

**К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ
В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ
TO THE QUESTION OF TERMINOLOGICAL UNCERTAINTY
IN THE SYSTEM OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE
AND EDUCATION**

Р. М. Ковалёва

R. M. Kovaliova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

Email: rmkovaleva@gmail.com

В статье на конкретных примерах из области фольклористических исследований показывается негативная роль терминологической синонимии, неоправданного расширения смыслового поля ряда кросс-научных терминов; выдвигается задача создания справочной литературы нового типа, пересмотра стратегии подготовки научных кадров, способных разрабатывать актуальные проблемы теории и методологии.

Ключевые слова: терминологическая синонимия, кросс-научная терминология, терминологическая эклектика, интерпретация терминов, спекулятивные термины, терминологическая неустойчивость.

The article demonstrates negative effects of terminological synonymy and unjustified expansion of the semantic field of a number of cross-scientific terms through specific examples within folklore studies. The author declares the urgency of creating a new type of reference literature and reframing the current strategy of scientific personnel training so that they will be capable of developing current issues of theory and methodology.

Key words: terminological synonymy, cross-scientific terminology, terminological eclecticism, interpretation of terms, speculative terms, terminological uncertainty.

Самое страшное, что угрожает нормальному развитию гуманитарной науки, в частности фольклористики, во многом опирающейся на достижения литературоведения, – это неустойчивость понятийно-терминологического аппарата. Несмотря на огромное количество работ, прямо или косвенно затрагивающих проблему терминологии, многие вопросы так и остаются нерешенными. Например, фольклористы до сих пор не могут определиться, что считать жанром, а что видом: для одних сказка жанр, для других – вид. Кстати, в литературоведческих словарях также царит разнობой. От термина требуется однозначность. «Дурная» терминологическая синонимия, как правило, становится неявным, однако не всеми замечаемым тормозом в самых разных сферах фольклористических исследований. Упорядочение категориального аппарата мы рассматриваем в качестве одного из важнейших стимулов прогресса в области гуманитарных наук.

С обозначенной проблемой постоянно сталкиваются ученые и преподаватели учебных заведений. Дурной мы называем синонимию, при которой термины, обозначающие разные явления, воспринимаются как тождественные, взаимозаменяемые. Оппоненты диссертаций и квалифицированные рецензенты научных работ хорошо знакомы с путаницей в использовании терминов ‘вид’ и ‘жанр’, ‘обряд’ и ‘ритуал’, ‘обряд’ и ‘обрядность’, ‘поэзия’ и ‘песни’, ‘анимизм’ и ‘аниматизм’ т. д. Их синонимичное употребление стало настолько привычным, что почти не вызывает сомнений в правильности использования. К примеру, долгое время не различались, воспринимались как тождественные термины ‘фольклор’ и ‘устное народное творчество’. Спрашивается, почему? Да потому, что так установилось. Между тем ясно, что они относятся к разнопорядковым явлениям: фольклор – к итогу творческой деятельности коллективного «автора», а устное народное творчество – к особенностям процесса создания, бытования и распространения фольклорных произведений. Уже в самом слове ‘творчество’

присутствует значение длительности, но даже авторитетные словари не застрахованы от неточностей. Читаем, к примеру, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «Творчество. Создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей. Художественное т. Народное т. Т. Пушкина Т. Новаторов» [1, с. 789]. Все правильно. Ожидаешь, что столь же взвешенным будет определение слова 'фольклор'. Ничуть. Определение начинается с отсылки к предыдущему: «Фольклор. Народное творчество; совокупность народных обрядовых действий. Словесный ф. Музыкальный ф. Танцевальный ф. Древнерусский ф.» [1, с. 852]. И с кого в этом случае спрос – с языковедов или с фольклористов, если неразличение понятий 'творчество' и 'творение' свойственно специальным справочным изданиям – даже единственному в своем роде изданию «Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии» (Минск, 1993). Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить содержание статей «Творчество народное» и «Фольклор».

Многими по-прежнему остается незамеченным совершенно точное определение фольклора, предложенное К.В. Чистовым: «...фольклором мы будем называть совокупность словесных текстов, вошедших в устную бытовую традицию того или иного этноса или – уже – какой-либо локальной, профессиональной и т. п. общности». Вкладывая в термин 'фольклор' такое содержание, ученый совершенно справедливо предлагал оставить в стороне «обряды (или, вернее, невербальные компоненты обряда), народные знания, верования, изобразительное искусство и т. п., несмотря на то, что в некоторых странах они тоже включаются в состав фольклора» [2, с. 30]. К счастью, некоторые новейшие литературоведческие словари отреагировали на изменившееся понимание фольклора.

Нам, преподавателям вуза, приходится снова и снова напоминать студентам о необходимости правильного понимания и грамотного употребления терминов, в частности уточнять, что фольклор (букв. 'народное знание, народное предание, народная мудрость') – результат творческих усилий фольклорного «автора», предстающий в виде совокупности эстетически значимых произведений определенных жанров, отличных от литературных. Кроме того, важно довести до сведения, что фольклорных жанров не так уж много, как считают некоторые специалисты, авторы учебников, а скорее наоборот. Их достаточно легко перечислить: сказки, легенды, песни, былины, пословицы, загадки и т.п., а вот жанровых видов и разновидностей гораздо больше – и это тоже результат творчества. Например, жанр легенды включает такие жанровые виды, как мифологические,

исторические, топонимические, социально-утопические легенды. В свою очередь мифологические легенды предстают в виде совокупности таких жанровых разновидностей, как легенды космогонические, этиологические, антропогенические, этногонические, эсхатологические и др. На этом примере мы постарались показать, что важнейшим признаком терминологического гнезда является иерархичность входящих в него единиц, в основе которой – теория жанра как типологической категории.

Как известно, термины конвенциональны. В ряде случаев неспособность фольклористов договориться приводит, с одной стороны, к бесплодным дискуссиям, с другой – вместо конструктивного решения проблемы толкает к компилятивности, как, например, в одной известной мне докторской диссертации, посвященной гротеску в литературе, где автор добросовестнейшим образом проанализировал определения гротеска, но в итоге так и не предложил своего. Что уж тогда говорить о студенческих работах, повторяющих расхожие штампы и мнения.

Науки гуманитарного цикла обмениваются не только достижениями, но и ошибочными дефинициями. Это происходит и в пределах одной дисциплины. Так, например, белорусские фольклористы с полным доверием отнесли к неудачному, более того – спекулятивному термину ‘постфольклор’, явно искусственно сконструированному по модели ‘постмодернизм’. Рассуждая логически, постфольклор должен относиться к тому, что следует после фольклора, а в историческом плане это, как ни крути, литература. Нам же предлагается считать постфольклором современный городской фольклор, который никакой не пост-, а определенная стадия городской фольклорной традиции, или вторичные фольклорные формы, за которыми уже закрепился термин ‘фольклоризм’, причем данное явление получило соответствующее теоретическое обоснование.

Вместе с тем всегда есть перспектива унификации национального понятийно-терминологического аппарата, о чем свидетельствует случай с термином ‘прыхлища’. В свое время белорусские фольклористы воспользовались калькой с русских терминов ‘быличка’ и ‘бывальщина’, не очень задумываясь над тем, что фактически они приложимы не к двум, а к одному жанру сказочной прозы – суеверным рассказам о встрече человека со сверхъестественным существом или необычайным явлением. То, что эти рассказы могут быть как в форме я-повествования, так и он-повествования, еще не является достаточным основанием считать их разными жанрами. В народном сознании они существовали как единое целое. Чтобы в этом

убедиться, достаточно обратиться к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. Даля. В нем лексемы ‘бывалка’, ‘бывальщина’, ‘былица’, ‘былина’, ‘быль’ предстают как соотносимые с правдивым рассказом, но иногда, по замечанию собирателя, с вымыслом, но сбыточном, несказочном. Надо ли выдумывать разные жанры? Какой в этом смысл? Однако, приплюсовав заимствованное определение меморат к быличке, а фабулат к бывальщине, фольклористы искусственно разделили единый жанр на два отдельных, что несколько не продвинуло науку вперед. Предложенный Н.С. Гилевичем термин ‘прымхлица’ со всей очевидностью выполняет смыслообъединительную функцию. По своей сути он относится к регистрирующим, поскольку указывает на реальное положение вещей – органичную связь и быличек, и бывальщин с тем, что белорусы называют прымхами.

Точность определений, как и избавление от синонимии – важный шаг к зрелости категориального аппарата фольклористики. Казалось бы, данное обстоятельство требует от ученых не просто внимательного отношения к использованию тех или иных терминов, но и критического отношения к устоявшимся, к устаревшим, изжившим себя дефинициям, которые из научных работ переходят в вузовские учебники, справочные издания, кочуя по образовательному пространству. Подчас этот порочный круг бывает столь прочным, что разорвать его, кажется, просто невозможно. Например, фольклористы до сих пор ориентируются на модернизированное понимание тотемизма и архаизированное анимизма. Отсюда и странные интерпретации фольклорных произведений, в частности сказок, в которых обнаруживают отзвуки тотемистических верований белорусов, что никак не согласуется с исторической действительностью.

В случае с анимизмом вся беда в том, что фольклористы и мифологи не удосуживаются ознакомиться с преанимистическими теориями и представляют дело так, будто анимизм, теорию которого разработал Э. Тайлор, свойствен архаичному, дородовому человеку. Нам ближе взвешенная позиция Л.Я. Штернберга, справедливо усомнившегося в том, что вера в существование души была первой стадией представлений человека о мире и о себе. По мнению ученого, ей предшествовала стадия аниматизма, когда мир воспринимался нерасчлененно, как бы всеобщезоженным. Затем развивается вера в духов и только потом, значительно позже, в дуализм души и тела. Представление о душе, покидающей человека с его смертью, поколебало древнее мифологическое мышление тождествами, при

котором живое и мертвое не различались, отсутствовала четкая дифференциация между живым и неживым, человеком и животными.

Что касается тотемизма, то это явление, а именно объединение архаических групп не по кровному родству, которое тогда не осознавалось, а по, условно говоря, тотему, исчезает с переходом к объединению по признаку вполне осознаваемого кровного родства. Некоторые ученые смело переносят тотемизм как живое явление в контекст родоплеменной эпохи, рассуждают о тотемизме славянских племен, в том числе белорусских, хотя никакого тотемизма, в классическом понимании данного явления, у тех и в помине не было. Конечно, реально архаическая тотемическая группа представляла собой примитивный род, но объединялась она по принадлежности к тотему, а не по кровному родству с ним. Тотемизм как социальное явление исчез, но поверх его культурных форм возникают этногенетические легенды родоплеменной эпохи. Генеалогические легенды раннего средневековья, в которых фигурируют звериные «предки» того или знаменитого рода, уже никак не связаны с тотемизмом, их создатели преследовали исключительно политические цели. Показательно, что даже у некоторых австралийских племен, современных классических тотемистов, тотем ребенка определяется вовсе не по тотему отца или матери, а по месту предполагаемого зачатия, то есть он признак не родовой, а скорее формальный. Как воспринимал мир архаический человек? Совсем не так, как родовой. Для тотемиста ночь – отсутствие тотема, день – появление тотема, голод – отсутствие тотема, сытость – его присутствие, наполнение тотема тотемом, беременность – внедрение тотема и т. п. Поэтому когда читаешь, что тотемами славян были волк, медведь, сокол и т. д., что именно их тотемические верования нашли отражение в фольклоре, поневоле сомневаешься в правомерности подобных интерпретаций сказочных и легендарных сюжетов.

Явственное расшатывание категориального аппарата фольклористики особенно заметно в практике изучения обрядовых песен, вольного обращения с терминами ‘обряд’ и ‘обрядность’, ‘обрядовые песни’ и ‘обрядовая поэзия’, ‘обряд’ и ‘ритуал’ как якобы взаимозаменяемыми. Между тем понятие ‘обрядовая поэзия’ шире понятия ‘обрядовые песни’, ибо обрядовая поэзия включает в себя не только песни, но также другие жанры и экстражанры (заговоры, заклинания, гадания, приметы, поверья и т. п.). Соответственно понятие ‘обряд’ не тождественно понятию ‘ритуал’. Обычно исследователи делают оговорку насчет синонимии терминов ‘обряд’ и ‘ритуал’ и предпочтительного употребления термина ‘ритуал’ как международного. На наш взгляд, стоит учесть прямое значение корня

рит-, который соотносится с древнеиндийским *rita*- как названием универсального космического закона, которому подчиняется буквально все, в том числе боги и сама рита, определяемая из самой себя. Разграничение терминов 'обряд' и 'ритуал' при изучении обрядовых комплексов помогает понять их триединую структуру, значимыми элементами которой являются мифологическая основа, то есть то, что подлежит ритуальному воссозданию, ритуал, то есть закон конкретизации мифологического в обрядовых словах, действиях, атрибутах, и, наконец, собственно обряд. Таким образом, ритуал относится к области невидимой программы, управляющей символизацией мифа.

Приведем пример, из которого видна важность разграничения понятий 'обряд' и 'ритуал'. Скажем, что собой представляют Коляды? Внешне – календарно-обрядовый комплекс, включающий разноструктурные элементы. Зададимся вопросом: а что, собственно, их объединяет? Отвечаем: ритуал многоаспектного воссоздания годового времени с помощью обрядов колядования, исполнения соответствующих песен с мифосемантикой образов, персонажей, сюжетных ситуаций, реального и символического жертвоприношения, без которого обряд не обряд, а пустая оболочка. Представление со смертью и оживанием «козьи» как раз символически воспроизводит обряд жертвоприношения, бывшего, вероятно, когда-то реальным. Коляды наполнены обрядовыми играми молодежи, среди которых выделяются любовно-брачная «Женитьба Терешки» и избавительная «Ящер-Ящур», имеющими ритуальную подоплеку: сакральный брак в начале времен, как известно, породил само время, потому он подлежит повторению с ритуальными «дублерами» сакральной пары.

Календарно-обрядовые песни белорусов – чудо, природа которого в единении мифа и ритуала. Что двигало фольклорным «автором»? Каким образом этот единично-множественный субъект ощущал органику текстов в их соотнесенности с неким общим началом? Возможно, каждый из них, сам того не подозревая, руководствовался «правильным» представлением о законах создания и функционирования текстов, то есть ритуалом? Например, в контексте бытования купальской обрядности ритуал – это закон преобразования энергии мифа о сакральном браке в осязаемую обрядность, доступную органам чувств участников и внешних наблюдателей. Совершая обратную процедуру от внешней формы обрядности к ее внутренней, исследователь обнаруживает «черный ящик» – препятствие, под названием ритуал. Вопросая «ящик», он пытается совместить внешнее и внутреннее обрядности в единое целое, в то, чем она

на самом деле является, а не чем кажется. Можно сколь угодно тщательно описывать купальскую обрядность, можно опираться на суждения о ней участников действия, можно учитывать мнения профессионалов, можно дать глубокий филологический анализ купальских песен, но мы до тех пор будем скользить по поверхности явления, пока не уловим сути функционально-содержательного единения трех уровней обрядности – мифологической основы (сакральный брак земли и солнца), ритуального закона преобразования скрытого мифа в мифоподобные словесные формы и их «овеществления» в виде словомифа (Купала), мифоситуации (дрожь земли, «игра» солнца, которой соответствует купальское заигрывание парней с девушками), мифоопределения (например, золотая головка Купалки), мифосюжеты (например, брак Тихони с Дунаем). Все эти поэтические штрихи явно отсылают к мифу, причем именно ритуал дает право говорить намеками. Он не препятствует перекодировке мифологического в бытовое, и тогда на месте сакральных персонажей появляются обычные, земные, правда, в ритуальном плане тождественные им. Любая обрядность как Текст бесконечна, и то, что она говорит словами песни, еще не вся истина, и даже может быть вовсе не истина, а поэтический мираж, навеянный ритуалом, намекающий на нее.

На наших глазах без достаточных на то оснований размываются не только смысловые границы между понятиями 'обряд' и 'ритуал', но также между понятиями 'обряд' и 'карнавал', когда, например, настоящим народным карнавалом объявляются Коляды, Масленица и др. Очень заметна тенденция к синонимическому употреблению понятий 'символ', 'образ', 'топос', 'архетип'. Не всегда улавливается разница между образом и деталью.

На наш взгляд, следует признать глубоко ошибочным смешение традиционного календарного обряда, где есть элементы маскирования, травестийного переодевания и т. п., с карнавалом. До принятия христианства весь круг календарных обрядов был в силу своей единственности самой что ни на есть официальной культурой. Согласно концепции М.М. Бахтина, сущность средневекового карнавала в его западноевропейской городской версии составляет именно противостояние официальной христианизированной культуре. Дохристианские смеховые культы имели совсем иную, а именно магическую, природу, чем карнавальная смеховая стихия, направленная против установленных норм и общепринятых запретов. Искусственное внедрение карнавала на российскую почву во времена Петра Первого не стало народной традицией. Сами же календарные праздники и

обряды постепенно сокращали сферу живого бытования, пока окончательно не «ушли» из города, но в провинции они оставались сами собой, не переродились в нечто иное, не трансформировались в карнавал.

Усиление междисциплинарных связей не должно сопровождаться бездумным усвоением новых терминов, тем более их произвольной интерпретации, не приводящей при своем употреблении к развитию познания исследуемого объекта. Введение в сферу гуманитаристики термина 'архетип' в его юнгианском значении гипотетических структур коллективного бессознательного дало свои положительные результаты, однако сопровождалось выветриванием его содержания. Дошло до того, что лобой мало-мальски обобщенный образ, то есть, согласно Г.В.Ф. Гегелю, чувственно воспринимаемый художественный феномен, стал трактоваться как архетипический. Вопреки уверениям некоторых словарей, архетип не первичный образ. Ни злая мачеха, ни добрая падчерица, ни благородный разбойник и т. д. сами по себе не являются архетипами, а только отсылают к ним. Вызывает недоумение, когда любые универсальные или типичные ситуации, образы, сюжеты, темы тут же называются архетипами. Архетипы вовсе не символы и не топосы, хотя и могут быть связаны с ними, служить психологической «подкладкой». Примеры можно было бы продолжить, но мы остановились на наиболее выразительных, чтобы показать следующее: бессистемное употребление терминов становится источником научной бессмыслицы, которая новым поколением молодых ученых воспринимается как догма, и тогда вместо научных исследований начинает плодиться их имитация.

Отсюда следуют выводы, нацеливающие на практические действия:

1. Угасание интереса к теории и методологии гуманитарных дисциплин опасно для развития науки, поскольку имеет следствием дилетантизм, терминологическую эклектику, погоню за «передовыми» терминами, «дурную» синонимию, необоснованную ревизию старых и новых терминов, распатывание понятийно-терминологического аппарата, внедрение непродуктивных для данной науки, но «модных» терминов. Упрощенное понимание собственных исследовательских целей и задач, неспособность иных авторов превращать информацию в знание, использование устаревших и непродуктивных методов, когда, например, вместо аналитического изучения объекта (скажем, обрядового комплекса) дается его простое описание, не способствует продвижению науки.

2. Отсюда следует необходимость пересмотра старых форм и принципов организации науки, не отвечающих современным

требованиям. В особенности это касается программы подготовки молодых научных кадров, способных работать в области истории, теории и методологии гуманитарных наук, чего в фольклористике пока не наблюдается. Оставляет желать лучшего содержание учебного процесса магистрантов и аспирантов, которые должны нацеливаться на генерирование новых идей, а не на фетишизацию авторитетов, наблюдаемую при защите диссертаций, превращаемой в фарс.

3. Решение фундаментальных вопросов имеет практическое значение – последующее создание энциклопедий, словарей и справочников нового типа. Установив необходимую в данный момент интеллектуальную цензуру, они устранят произвольное истолкование терминов, избавят науку от терминологических сбоев, но при этом учтут практику современного использования кросс-научной терминологии. Особенно в этом нуждается интегративная фольклористика, включающая этнофольклористику, мифофольклористику, лингвофольклористику, эстофольклористику, психофольклористику, социофольклористику, которая не может обходиться привычным фольклористическим тезаурусом, сдерживающим ее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 922 с.
2. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории / К.В. Чистов. – Л.: Наука, 1986. – 304 с.